

18+

Наталья Червяковская

Кайрос: где двое были так отчаянно случайны

Современная проза и поэзия

Наталья Червяковская
Кайрос: где двое были
так отчаянно случайны.
Современная проза и поэзия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73784223

ISBN 9785006970632

Аннотация

Книга «Кайрос: где двое были так отчаянно случайны» – продолжение романа «Прятки: Огонь любви опасен, но как же сладок соблазн...». Это сага длиною в двадцать один год о Михаиле и Малике, об их детях – Ясе и Никите, и о маленьком внуке Мише. История дружной семьи, где сплетаются традиции русского размаха и мордовского колорита. Это повествование о великой любви и глубоком осмыслении жизни, пройденной рука об руку. Прекрасная история под названием «Где белый лебедь нежно чёрного касается».

Содержание

Паучиха	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Кайрос: где двое были
так отчаянно случайны
Современная
проза и поэзия**

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0069-7063-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Паучиха

Расцвёл бутон от долгого терпенья,
Сбылась любовь в сплетенье горьких лет.
И в августовском солнечном движении
Явился миру дивный первоцвет.
Она – итог, заветное свершенье,
В ней двух стихий торжественный обет.

Черты отца – в разрезе глаз и жесте,
В спокойной силе выверенных слов.
Но нрав иной: в нём матери известье,
В нем дикий мёд и жгучая любовь.
Она – дитя их тайного сословья,
Свободный шторм в чертогах изо льда,
Где в каждом вздохе, в каждом хладнокровии
Горит души полночная звезда.

Она несёт в себе погод круженье:
Весенний хмель и знойный летний час,
И рыжим мехом осени сожженье
В её ресницах вспыхнуло не раз.
Но танец Лебеди на льду – её начало,
Тот зимний сон, где холод жёг сердца,
Где страсть под снегом долго созревала,
Чтоб не иметь ни края, ни конца.

Как мотылёк, над вечностью взовьётся,
Как вешний ветер, в двери постучит.
В ней голос предков эхом отзовется,
В ней древний код незыблемо звучит.
Она их смысл, их право на бессмертье,
Забывших снов живое торжество,
И в годовом лихом круговороте
Святое отмечаем рождество.

Опять жара. Начало августа. Прохлада
Едва коснулась утренней травы.
Стоит она – бесценная награда
Среди людской и праздной суеты.
Прекрасная, строптивая, родная,
В наследство взяв и нежность, и гранит,
Она идёт, судьбу свою слагая,
И пламя их истории хранит.

Пятнадцать лет – это много или мало? Для мира – лишь миг. Для семьи – одно счастье, разомлевшее на солнце, одно цельное, тёплое мгновение. Ребёнок вырос. Они – помудрели. А в груди стучит всё та же сбивчивая дробь, будто и не было этих лет вовсе. Будто всё – вчера. Будто за окном всё тот же золотой и пыльный август, когда его Ясеньке было пять. А сегодня – двадцать.

Дом затаил дыхание в предвкушении праздника: он сулит

взрывы смеха, переливы голосов, плывущие тёплыми волнами ароматы кофе и торта. Подарки, море поздравлений, цветы, ломящийся от угощений стол – всё это мамыны бесконечные хлопоты. И папины мечты... что сжались теперь в один тугой, болезненный комок под самым сердцем.

В этот миг перед ним проносится вся её жизнь – жизнь его дочери – и он вспоминает. И вот приходит новый миг: её день рождения год назад.

Он стоит у окна, смотрит и видит, как она, его девочка, смеётся в кругу подруг. Её глаза сияют – точь-в-точь как тогда, когда он качал её на дворовых качелях. Только теперь в них светится не детское ожидание чуда, а спокойная уверенность молодой, красивой девушки. Яся Михайловна. Звучит солидно.

Она – его чёрная жемчужина, его девочка. И вот он снова видит тот день в конце ноября, когда он, Михаил, и его Малика кружили на машине по зеркальному льду. Его Малика была прекрасна, как лебедь чёрный, а вокруг тихо, бесшумно падал снег. Они были безмерно счастливы – и от этой страстной любви родилась она, их Яся. Ясю, которую он обрёл не сразу, а лишь тогда, когда ей исполнилось ровно пять лет. Когда она впервые спросила его: « Дяденька, ну зачем вы меня звали?» – и всё внутри перевернулось. Зов крови.

Неужели это она, его маленькая дочь, его мордочка?

Мысли в голове Михаила возникали, как хаотичные звуки хаус-бита, не успев оформиться в ответ на один вопрос, как уже набегал другой. Эти воспоминания о былом и настоящем, всплывшие в её день рождения, – с ним такое обычно и происходило. В сознании отца всё было заполнено дочерью, супругой и прожитыми годами.

Хаус-бит – это пульсирующий ритмический узор, сама душа и незыблемый фундамент электронной танцевальной музыки, носящей имя хаус. Зародившись в начале 1980-х в Чикаго как одухотворённое перерождение диско и электро, этот стиль покоится на неумолимом, гипнотическом бите «four-on-the-floor» (4/4). Его звучание – плотное полотно, сплетённое из синтезаторных басовых линий и мерцающих аккордов, проникновенного соул- и госпел-вокала (часто воскрешённого через сэмплирование) и глубоких, сокрушающих басовых ударов. Пространство музыки расширяется, обретая объём и полёт благодаря щедрым далям дилэя и бездонным куполам реверберации. Именно такой – манящий, неостановимый и бездонный – пульс живёт в его сердце.

«Нет, – навязчиво стучит в висках. – Не готов. Совсем не готов ещё кому-то её отдать».

Он ловит себя на этом «отдать». Словно вещь. Словно собственность. И тут же корит себя. Он же не собственник. Он – отец. Его роль – быть опорой, скалой, тихой гаванью. Он это знает. Он исполнял это пятнадцать лет. Поднимал на руки, лечил ссадины, учил кататься на велосипеде, молчал, когда надо было молчать, и говорил, когда слова были нужны. Он – её берег.

Но ведь нужен и тот, кто будет ей не опорой. Не гаванью. Нужен тот, кто станет огоньком. Ветерком. Пламенем. Тот, ради кого захочется свернуть с накатанной дороги и пойти по неизведанной тропе. Он, отец, таким огоньком быть не может. И не должен. Его любовь – это ровное, тёплое солнце. А ей, его девочке, его Ясе, нужна ещё и искра.

«Пусть всё у неё будет. Лучше и прекрасней. Пусть. И доверие... Доверие ей от него».

Вот это самое сложное. Доверить. Не отпустить – отпустить он её уже отпустил, когда она впервые пошла в школу, когда уехала на первую в жизни экскурсию без них. Доверить. Миру. Другому человеку. Незнакомому парню, который, возможно, уже стоит где-то в толге гостей и смотрит на неё слишком влюблёнными глазами. Доверить её счастье, её слёзы, её утренний кофе и вечерние печали – кому-то ещё.

Он вспоминает, что для своей малышки он – отец, всегда на первом месте, главный человек. Как, впрочем, и мать. Но их особая нить – между отцом и дочерью – это нечто неопишное, тихое и прочное, как корни старого дуба. Он снова перебирает в памяти мгновения: её первое папочка, её рука в его ладони, её доверчивая голова на плече.

Яся всегда искала отца в толпе, и стоило ему появиться, как всё остальное отступало, меркло – даже их любимая жена, мама Малика Сергеевна, не могла и не пыталась противостоять этому сиянию. Она, женщина мудрая, давно разложила всё по полочкам своей души: эта любовь – тайна, в которую даже материнскому сердцу нет доступа. Малика поначалу ревновала, да как же иначе: она выносила её, родила, пять лет была для дочери целым миром, как, впрочем, и Яся была всем для неё. А потом в жизнь ребёнка вступил отец, а в жизнь Малики – её Миша. Так она называла его всегда, с тихой, сокровенной нежностью: «Мой Миша».

Увидев отца, Яся неизменно оборачивалась, ловила его взгляд и улыбалась. Махала рукой: «Папуль, иди к нам!». В её улыбке сияло всё то же безграничное, нерушимое детское доверие. Она ни секунды не сомневалась: он придёт. Он здесь. Он всегда. Это были для отца самые счастливые мгновения; он брал её в объятия и кружил, поднимая к солнцу.

С Маликой в их танце любви он закружился не сразу. Михаил ворвался в жизнь Яси мгновенно и естественно, как поток свежего воздуха, а вот с Маликой всё было иначе – медленнее, притягательнее, полнее тайны. И теперь, вспоминая, он не просто улыбнулся своей Паучихе – как ласково звал её в мыслях. Она была для него и прекрасной чёрной лебедью – изящной, недоступной, роковой. Но паучихой – тоже. Между ними была нить – крепкая, звенящая, неразрывная. У них была их дочь – любимая. Эту женщину одновременно хотелось бросить в костёр и самому стать для неё щитом, ведь любила она его, своего Мишу, – как тот самый костёр: жарко, опалаяюще, не оставляя шанса на равнодушие. Его Малика Сергеевна.

И даже когда они вступали в перепалку словесную, и Михаил отступал – он всё-таки мужчина – он произносил одну и ту же фразу: «Ведьма...» На что она, не сразу, глядя ему прямо в глаза, хлёстко отвечала: «Колдун». Подходила и нежно целовала.

Он отпустил мысль о Малике и вновь погрузился в думы о дочери. А затем – снова о жене. Ах, Малика... Когда он впервые услышал это имя, прошло уже почти шесть лет с начала поисков Янины Геннадьевны. Нашёл-таки подлинного аудитора, месяцы вёл скрупулёзное расследование – и ни единого следа своей любимой Яси. Это будущий тесть,

Сергей Борисович – бывший сотрудник органов, а там, как известно, бывших не бывает, – сумел спрятать свой алмаз, свою Малику Сергеевну. Бесплотно. Бесследно.

И как лихо она обвела вокруг пальца всех – его, Михаила, и Психиатра, и Кита. Даже тётя Клава не дрогнула, сколько он её ни допрашивал, ни страшал с пристрастием. Та женщина не выдала, каким образом его девочка выскользнула из их железных объятий. Игра в прятки... Не сдала ни Виктора Дмитриевича, ни саму Малику Сергеевну. Не рассказала – и точка. Паучиха, вот она кто, – он усмехнулся в темноте, – плетёт сети, интригует, умна, красива, коварна, расчётлива, жестока – всё самое худшее... Да, он порой изматывал себя этим нескончаемым внутренним диалогом.

Но стоило Малике произнести одну-единственную фразу – «Мой Миша» – как всё отступало, чары рассыпались в прах. Его чёрный лебедь, его Ясенька перед глазами... нет, уже не Ясенька – его Малика. К её имени он долго привыкал. Малика – как это возможно? Но вот же – возможно. Она была прекрасна, а с годами становилась лишь притягательнее: импульсивная, страстная, живая – настоящая, желанная женщина, любимая жена и любящая мать.

Михаил отпустил мысли о Малике и всем сердцем вернулся к образу дочери – своей Ясеньки, свету его очей, един-

ственному и настоящему.

И он понимает, что его внутреннее «нет» – это не про неё. Это про него самого. Про страх опустевшего гнезда, которое уже давно перестало быть гнёздышком, но в котором так привычно и уютно билось его сердце. Про страх оказаться ненужным в новой, взрослой географии её жизни. Про тихую боль от осознания, что самые важные, самые счастливые главы его отцовской книги уже написаны. Остались лишь эпилоги – тёплые и светлые, но уже не сюжетные.

«Нет, – думает он, делая шаг от окна к шумному столу. – Нет, я как отец ещё не готов. Не готов смириться, что моя любимая малышка...»

Девочка его выросла. Повзрослела, расцвела – словно тот самый подснежник в заброшенном палисаднике: тихо, неприметно для глаза, и вдруг – вся в свету, вся в сиянии.

Он мысленно, будто кладя руку ей на плечо, ощущает её присутствие. Она прикрывает своей ладонью его пальцы. Её рука уже не детская, узкая, с аккуратным маникюром. Но прикосновение – то же.

«Нет, – окончательно решает он про себя, представляющий её сияющее лицо. – И ещё раз нет. Не готов. Но я

и не должен быть готов. Это же и есть любовь. Когда ты не готов, но всё равно идёшь вперёд. Ради её двадцатилетия. Ради её счастья. Ради того, чтобы это „нет“ тихо растворилось где-то внутри, а на губах осталась только улыбка и простые, такие важные слова: „С днём рождения, дочка. Я так тебя люблю“».

И он произнесёт их. С минуты на минуту.

Яся нервно поглядывала на экран айфона, стремительно шагая по знакомому тротуару. «Опоздаю, точно опоздаю», – бормотала она себе под нос, ловко лавируя между прохожими. Её современный образ был далёк от подросткового бунтарства, но в нём угадывалась та же смелая эклектика матери. Широкие чёрные брюки-кюлоты со стрелками, свободная рубашка из плотного шёлка, заправленная одним боком, и короткий чёрный жакет с геометрическим стёганным узором. На ногах – элегантные лодочки на невысоком каблуке, а в ушах, словно капли ночи, сверкали миниатюрные серьги-гвоздики с чёрным жемчугом. Её красота была удивительным и гармоничным сплавом родительских черт: от отца, Михаила, ей достались скулы, чётко очерченные, почти скульптурные, тёмные, почти чёрные глаза миндалевидной формы и изящные брови, придававшие взгляду глубину и лёгкую суровость. От матери – русская белизна кожи, тонкие, изящные черты лица, пухлые губы и та же солнеч-

ная, нежная улыбка, которая смягчала её мокшанскую строгость. Высокая и стройная фигура, сочетавшая мамину грацию и отцовскую статность, двигалась быстро и уверенно.

Волосы Яси были прекрасной данностью природы – густые, послушные, цвета глубокого и сочного брюнета. Они вились сами собой некрупными, живыми волнами. И она выработала для них неизменный ритуал укладки, который не только подчёркивал эту природную красоту, но и являл её характер.

Сначала – тщательно, почти педантично – она проводила ровный пробор. Белая линия бежала от лба к макушке, рассекая тёмную массу на две идеально равные части. Затем каждую половину она собирала в высокий, тугой хвост почти у самой макушки. Здесь вступал в дело бублик – валик из искусственных волос того же оттенка. Хвост пропускался через него, накручивался и аккуратно укладывался вокруг основы, формируя плотный, округлый объём.

Получались два симметричных, пышных пучка, торчащих по бокам, словно ракушки. Их форма была двусмысленной и остроумной. С одной стороны, если смотреть сзади или чуть сверху, они напоминали маленькие, задорные рожки – точно у чертёнка из старинной гравюры, озорного, но милого. Это будто намекало на её внутреннюю искорку, на

скрытое лукавство.

С другой же стороны, их чёткий, геометричный силуэт и сама манера собирать волосы, оставляя шею и плечи открытыми, отсылали прямиком к гламуру середины прошлого века. Это была элегантная стилизация под причёски звёзд рип-ап и голливудских див 1940-х – 1950-х годов, тех самых, что носили Бетти Грейбл или Дорис Дэй, только адаптированные, более сдержанные и современные. Концы волос она не прятала внутрь, а опускала вниз, выпуская два каскада завитков. Они спадали на шею и плечи, смягчая строгость конструкции, добавляя ей мягкости и женственности.

Таким образом, её причёска была хитрой игрой контрастов: строгий пробор против игривых рожек, ретро-форма против живых, неприлизанных волн. Она говорила, что Яся ценит порядок и стиль, но в её душе всегда найдётся место для лёгкой, изящной шалости. Это был не просто способ убрать волосы с лица, а законченный, продуманный образ – одновременно кокетливый и элегантный, закреплявший её неповторимый облик в памяти каждого, кто её видел.

«Миша, успокойся, она успеет к обеду, – голос Малики ровно, но в нём слышалось привычное материнское волнение. – Ты уже десятый раз за последний час спросил, всё ли готово к празднованию и как торт».

«Не могу не волноваться, Малика, – ответил Михаил, и Яся мысленно улыбнулась, представляя, как отец ходит по залу их дома кругами. – Двадцать лет. Это же целая веха».

«Для тебя – веха, а для неё – повод встретиться с друзьями и съесть наш фирменный „Наполеон“. Дыши глубже, мой Миша. Она уже на подходе».

Яся ускорила шаг, слыша этот разговор сквозь приоткрытое окно гостиной, когда подбежала к крыльцу своего дома. Дома, который Михаил построил для них спустя год после долгожданного воссоединения.

Она распахнула дверь, и на неё сразу обрушился шквал голосов, музыки и смеха.

Первой, кого встретила именинница в прихожей, оказалась её любимый дедушка – уже глубоко пожилой, под девяносто. Но для Яси он был целой вселенной, отдельной и мудрой, непохожей на мир родителей. Дед делился с ней такими житейскими советами и умениями, какие не дал бы никто иной. Яся его обожала, а он её – свою маленькую котёночку.

«Наконец-то! – сказал дедушка Сергей Борисович. Он обнял внука, прижимая к себе. – Мы уже думали, твой веч-

ный перфекционизм заставит тебя переделывать весь доклад в институте в свой же день рождения». Скоро начнётся новый учебный год: она пойдёт на третий курс, становясь ближе к мечте о будущем призвании – психиатрии.

Яся решила стать врачом-психиатром. Этот выбор удивил многих, но не смутил её саму. Малика, подумав, произнесла: «Наверное, нам всем этого не хватало – чтобы ребёнок шёл именно своей дорогой». И весь их семейный круг – родители и дед – благословил этот путь с тихим, благородным пониманием.

«Деда, привет, – Яся рассмеялась, целуя его в щёку. – Не доклад, а презентацию. И её уже сдала. Всё, я полностью свободна».

В этот момент из гостинной вышел Михаил. Он замер, глядя на дочь, и в его обычно строгих глазах стояла неприкрытая нежность и гордость.

«Доченька моя, – только и вымолвил он, широко раскрыв объятия. – С днём рождения».

«Пап, – она прижалась к нему, чувствуя знакомый запах одеколona и домашнего тепла. – Спасибо. За всё».

«Иди, мама тебя заждалась у стола с тортом. Говорит, свечи могут сами по себе потухнуть от нетерпения».

В большой гостиной, украшенной гирляндами и фотографиями Яси разных лет, стол ломился от угощений. В центре красовался огромный «Наполеон». Малика, в элегантном платье цвета бордо, подошла к дочери, поправив ей непослушную прядь.

«Прекрасная, как всегда, – тихо сказала мать, глядя на неё. – И очень серьёзная. Устала?»

«Нет, – покачала головой Яся, беря маму за руку. – Просто думала, как быстро летит время. Кажется, вот только вчера мы с тобой шли в кафе в одинаковых рубашках».

– А сегодня ты уже самостоятельная девушка, – улыбнулась Малика. – Но для меня ты всё та же малышка, поправлявшая чокер и показывавшая «викторию» всем прохожим. Иди, задувай свечи. Твои друзья скоро придут, вы отбудете от нас, так что сначала – свечи для нас с папой и дедушкой, а потом все остальные.

Сказала она это так твёрдо, что никто не посмел спорить. И тут же рассмеялась. Родные мои... Доченька, папочка... Она целовала пожилого отца, любимую дочь, своего Мишу.

Их поцелуй был страстным и долгим.

– Мама, папа, мы с дедушкой всё видим! – воскликнула дочь.

– Ай-яй-яй, какие же вы у меня классные!

И все вчетвером обнялись, смеясь. Михаил подхватил дочь, покружил, потом – любимую. С ней он закружится чуть позднее в ином, медленном танце, но пока – только намёк. Ведь ещё не время, ещё идёт день рождения.

Малика всё понимала. Ей нравился этот её Миша-баловник. Человек, которого она любила безмерно.

Яся подошла к столу под одобрительные возгласы и аплодисменты. Двадцать горящих огоньков отражались в её тёмных, как у отца, глазах, которые в этот момент светились чисто маминой, тёплой и беззаботной радостью. Она сделала глубокий вдох, чтобы загадать желание. Самое главное, чтобы этот миг, это чувство семьи – целой, неразрывной, прошедшей через разлуку и вернувшейся друг к другу – длилось вечно.

Любимый дед, мамуля и отец – пока Яся задувала свечи, каждый произнёс свою тихую проповедь. Вещие, размерен-

ные слова, что стучались в дверь сознания, словно проверенные временем истины. Они возвращали к основам жизни, поднимали тосты с благими пожеланиями. Да, это были истины. Но не для двадцатилетней Яси, прекрасной и юной, чья душа рвалась не к оградкам, а к пропастям.

Вон её родители – вечно спорят, чтобы потом папа нёс маму на руках, нежно целуя её виски, и под любым дурацким предлогом они растворялись то в спальне, то уезжали в свою городскую квартиру. Яся всё подмечала. Её восхищали этот влюблённый отец с его неизменной выдержкой и строптивая, страстная мать, что умела таять в его руках.

В них была и она сама. Задувая свечи на любимом «Наполеоне», который испекла мама, Яся думала о нём – о том, чьё имя пока хранила про себя. Ведь сегодня утром она якобы шла – для всех – сдавать презентацию в институт. Ага, в августе, когда преподаватели шарахаются от студентов как чёрт от ладана. А на самом деле она мчалась к нему.

Они просто договорились ночью в мессенджере, и он первый поздравил её с днём рождения. Они встречали рассвет и катались на чёртовом колесе – просто потому, что им дико захотелось! Мама с папой бы запретили. А он – позволил. Он был её первой любовью.

В мерцанье лунном, в кружеве ночей,
Где город спит, укутанный дремотой,
Она не слышит ласковых речей
И дедовской не чувствует заботы.
Там двое – вне пространства и времён,
Вплетают вальс в созвездий панораму,
И каждый вздох их страстью освящён,
Скрывая правду от отца и мамы.

Они танцуют, не смыкая глаз,
Под серебром небесного чертога,
И мир вокруг восторженно погас,
Оставив лишь объятия у порога.
Забыты розы городских аллей
И вкус «Наполеона» в тихом доме —
Ей нет теперь заветней и родней
Того, кто держит жизнь в своей ладони.

В сплетенье рук рождается сюжет,
Где строят планы, меряя рассветы,
И поцелуй – как тайный их обет,
Как высшие и вечные ответы.
Она его, как редкий изумруд,
От посторонних взоров бережёт,
Пока часы домашние идут
И мама дочку к ужину зовёт.

Ей тесно в рамках почерка и книг,
Где всё – устой, завещанный веками.

Она крадёт у вечности тот миг,
Что полнит грудь хмельными облаками.
Пусть те три пламени хранят былой порог,
Но этот – четвёртый – жжёт её нещадно,
Чертя меж ними тысячи дорог,
Маня в закат таинственно и жадно.

Так кружит вальс, не ведая преград,
Под лунным диском, чистым и безмолвным,
И только звёзды с высоты глядят,
Как два сердца сдаются встречным волнам.
Не замечая прочих, лишь вдвоём,
Они летят в несбыточное «завтра»,
Сжигая ночь божественным огнём
Под шёпот неприкаянного августа.

Внезапно семейную идиллию дома разрезал шум подъехавшего автомобиля и оживлённые голоса во дворе. Друзья Яси ждали её к вечеру в кафе, а сейчас, в обед, был семейный праздник. Малика пошла открыть дверь.

Дверь распахнулась, и на пороге, озарённая августовским солнцем, возникла целая группа людей. Во главе стоял Гарай Михайлович, отец Михаила. Несмотря на свои семьдесят с лишним, он держался прямо, как молодой дуб. Его широкое, добродушное лицо с густыми седыми усами было обрамлено аккуратными серебристыми висками, а в глазах, таких же тёмных и пронизательных, как у сына, светилась муд-

рая усмешка. Он был одет в отличный тёмно-синий костюм, под которым угадывалась мощная, крепкая стать.

Все дивились тому, что дед Гарай Михайлович начал носить усы; судя по всему, скоро должна была подоспеть и борода. Они, однако, ему удивительно шли, хоть и будоражили в родных противоречивые чувства. Этот педантичный человек всегда обладал тонким, отточенным вкусом во всём. Малика как-то сказала Михаилу, прищурившись: «Вейсэ вий. Зов крови. Эстонза, мирденть прявт – так тому и быть».

Миша рассмеялся: Малика говорила на языке мордовском, но не на мокшанском – она освоила лишь эрзянский, один из диалектов мордовских. Его любимая «паучиха» ошиблась, однако говорила так бегло и гладко.

Вот как вышло у Малики – замечталась девушка, глядя на старый учебник, а там буквы словно ожили, переплелись, заговорили сами. И вместо мокшанской речи, той, что будто шум лесного ручья, мягкая и шепчущая, она услышала в себе эрзянскую – звонкую, ясную, как колокольчик на ветру. Сердце её, зная, выбрало путь не по указке, а по зову крови. Говорит теперь она не «сясь», а «сезь», не «вань», а «ван» – и в каждом слове звучит отзвук древних песен, голос степных ветров и память тех, кто жил на этой земле ещё до первой росы.

Случается так иногда: душа сама находит свой язык, даже если ум сбился с дороги. И хотя родня поначалу дивилась – «Эй, Малика, ты куда заплутала?» – теперь слушают её, затаив дыхание. А она, расправляя платок, словно расправляя крылья, говорит с той горделивой мягкостью, что дана лишь тем, кто обрел свою истинную речь: «Не ошибка это, а знак. Эрзя в меня зашла – как весна в замерзшую реку. И пусть корни мокшанские, а цветы – эрзянские. Так и живу – между двумя родниками, но пью из того, что ближе к солнцу».

Внуки Гарай Михайловича Толик и Иван, разительно не походили на столичную молодежь, что вилась вокруг их сестёр. Парни, крепкие, с тихими и глубокими, словно лесные озёра, глазами, чтили мордовскую культуру не на словах, а на деле. Они не просили у деда ни денег, ни протекции. После университета вернулись в родной город и встали в его депо к станку, начиная с самых низов – с ремонта железнодорожных вагонов. Сила их была в умении слушать и в спокойной, ненатянутой уверенности, что идёт от земли. Все делали сами, и Гарай Михайлович, сам прошедший эту дорогу, молчаливо и гордо одобрял такой выбор.

Как-то весной вся семья выехала в мордовскую деревню под Саранском, откуда тянулись корни. День стоял ясный, воздух пах прелой листвой и лёгким дымком, в котором уга-

дывался аромат печи-каменки из соседнего дома. Гарай Михайлович в безупречном твидовом пиджаке смотрелся среди бревенчатых изб и местами забор с плетней как иностранец, но чувствовал себя здесь странно и уместно, будто старый дуб у околицы. Его новые усы, седые и плотные, казались теперь не причудой, а естественной, чуть ли не исконной деталью, вроде резного наличника.

После сытного обеда в доме Утяши и Владимира, где всех потчевали паччей и позой, а стол ломился от шаньги и молока, парного из-под рыжей коровы, братья вышли с дедом на крыльцо. Толик, младший молча достал кiset, ловко, по-деревенски, свернул сигарку и протянул Гараю Михайловичу. Тот, бросив быстрый, почти мальчишеский взгляд в сторону дома, где хозяйничала не одобрявшая курения их мать и дочь Утяша, взял.

– Ну что, дед? – спросил Иван, прислонившись к тёплому косяку. – Теперь вот и усы. Совсем на предка стал похож. На того, с фотки в красном углу.

Гарай Михайлович выпустил медленную струйку дыма, глядя куда-то за дальнее поле, где ветер колыхал седую прошлогоднюю траву – тише.

– Не на предка. На себя, – ответил он просто, и в голосе его зазвучал отзвук местного говора, почти забытого.

– А зачем они вам? – Толик задал вопрос прямо, как умел. – В городе все шепчутся.

– Пусть шепчутся, как листья в овраге. – Дед сделал еще одну затяжку и помедлил. – Много десятилетий в бизнесе. Носил галстук, словно доспехи. Думал, это и есть стержень. А потом понял: стержень – не то, что ты надеваешь. Это то, что прорастает изнутри, как корень у дуба. К корням тяготел давно, а вот ощутил их только теперь, кожей.

– Ощутил – и усы отпустили? – чуть улыбнулся Иван.

– Нет. Ощутил – и перестал их сбривать. Это другое. – Он обвел взглядом улицу, холмы, небеса, вышитое редкими облаками. – Вот здесь моя бабка каждую траву по имени знала. И каждое имя было ключом: от боли, от голода, от слеза. Я сорок лет вагоны ремонтирую. И тоже знаю каждый узел, каждый стык. Раньше полагал, будто это разные вещи. А теперь вижу – один принцип. Чтобы что-то починить, нужно знать, как оно устроено. Из чего соткано. И себя тоже. Вот я и решил разобраться, из чего я сделан. А усы... они просто стали расти сами, когда я перестал мешать.

Толик кивнул, понимающе, и в его молчании было больше слов, чем в иной речи.

– На работе ребята спрашивают: «Чего ваш директор так изменился?» А мы говорим: «Не изменился. Проявился». Как узор на старинном полотенце, когда его в щёлочке выщелачиваешь.

Гарай Михайлович посмотрел на внуков, на их простые, открытые лица, не по-городскому загорелые и ясные, будто после дня сенокоса.

– Вы молодцы. Что сюда ездите. Что родной язык знаете. Я всю жизнь доказывал, что я не «деревенский», что я выше этого. А вы просто берёте и делаете. Не просите. Это правильно. Самое ценное – что сделано своими руками. Или сбережено своей памятью.

– Мы не берегаем, дед, – мягко поправил Иван, и в его глазах светилась тихая уверенность. – Мы это и есть. Немного, но есть. А вы – наш мост. Седь. Без вашего дела, вашей крепости в городе, у нас бы, может, и времени на это не нашлось. Вы – корни, что сквозь бетон проросли, чтобы крона на солнце могла развернуться.

Гарай Михайлович затянулся, смолк. В его глазах, обычно таких строгих, мелькнуло что-то тёплое, почти беззащитное, как первый луч солнца над полем.

– «Вейсэ вий»... Зов крови... Малика так сказала. Думал, ерунда. А может, и нет. Не зов даже. Ответственность. Кедь-гома. Когда понимаешь, что ты не последний и не первый. Что ты звено. И это звено должно быть крепким, чтобы цепь не порвалась.

Гарай Михайлович говорил на двух наречиях – мокшанском и эрзянском. И пусть их Малика ошиблась, пусть Ясю она учила на эрзя – значит, выучат и мокша. Земля у нас одна, народ один, страна одна. И охватила его тогда такая гордость за невестку и внучку – справятся! Научим, подскажем, сэкономим.

Он бросил окурок в ведро, не растёр его каблуком о утоптанную землю возле крыльца – не мусорить же, здесь каждый угол свят.

– Пойдёмте. А то Утяша заругает, что я вас табаком приучил. Скажет: «Эряви паряк» – надо бы бросить.

Они зашли в дом, где пахло свежим ржаным хлебом, тмином и тихой стариной, пропитавшей брёвна. И Гарай Михайлович, проходя мимо тёмного зеркала в сенях, мельком увидел своё отражение – человека в дорогом пиджаке с лицом, начинающим походить на лица предков с пожелтевших фо-

тографий в красном углу. Противоречие это больше не казалось ему раздвоением. Оно было цельностью. Той самой, которую он собирал по винтику всю свою жизнь, как собирает надёжный вагон, способный выдержать любой долгий путь – и в городе, и в поле, и в памяти, что крепче стали.

Давайте вернёмся в тот солнечный день, когда Яся отмечала свой день рождения, и в дом приехала родня. Чуть вполоборота рядом с отцом стояла его младшая дочь, Утяша – сестра Михаила. Женщина лет сорока восьми, она была удивительно похожа на отца тем же миндалевидным разрезом глаз и скулами, но её черты были мягче, округлее. Её тёмные волосы были убраны в элегантную гладкую причёску, а в руках она сжимала огромный букет из осенних хризантем и астр.

– Не ждали? – густым, бархатным басом произнёс Гарай Михайлович, и его голос заполнил прихожую. – Проезжали мимо, думаем, дай заглянем к имениннице. Здравствуй, Малика.

– Гарай Михайлович! Утяша! Да вы проходите, проходите! Как раз к столу собираемся! – воскликнула Малика, отступая и делая широкий, гостеприимный жест.

– Здравствуй, здравствуй, – мягко отозвалась Утяша,

вступая в прихожую. – Мы ненадолго, не хотелось проезжать мимо такого дня.

«Шумбрат!» – звонко откликнулась Малика на приветствие родственников.

Это не просто слово – это формула души, целый мир, сжатый в одном звуке мордовской культуры. «Шумбрат!» переводится как «здравствуйте», но суть его глубже перевода. В нём живёт древнее тепло, дар особого, родственного внимания к тому, к кому обращаешься. Оно словно обнимает душу, говоря без слов: «Ты – брат мне. Ты – свой».

– Да что вы, что вы! Очень кстати! – Малика взяла букет, и её лицо озарила искренняя улыбка. И следом добавила.

«Ну да, каких-то шестьсот с лишним километров проехали», – вслух произнесла Малика. «Ну же, проходите, рада вам!»

Миша подошёл к ней – ох, уж эта его любимая «паучиха», ворчит она, отменно. Он взглянул ей в глаза – так же, как тогда, в первый раз, в коридоре офиса его отца, много лет назад, когда только зарождалась их любовь.

Следом в дом вошли Владимир, муж Утяши, крепкий,

молчаливый мужчина со спокойным лицом, и их дети. Толик, двадцати четырёх лет, был вылитый дед в молодости – тот же мощный торс и открытый взгляд, только без усов. Ванечка, двадцати шести, стройнее и выше, с интеллигентными очками в тонкой оправе. И, наконец, Кизор. Девушка двадцати двух лет была настоящей красавицей: длинные, иссиня-чёрные волосы, белая, как у Утяши, кожа и яркие, как спелая рябина, губы. На ней было элегантное платье в мордовском стиле – белое, с вышитым красным и чёрным орнаментом по подолу и вороту.

Из гостиной на шум высыпали все. Яся ахнула от неожиданности и восторга.

– Кизка! Ты здесь! Как?!

– Сюрприз от деда, – засмеялась Кизор, раскрывая объятия. – Сказал, нельзя такой день без всей семьи. С днём рождения!

Девушки крепко обнялись, заговорив разом.

Гарай Михайлович тем временем обменялся крепким, молчаливым рукопожатием с сыном.

– Миша.

– Отец. Рад тебя видеть.

– Яся, внучка! – окликнул Гарай Михайлович. – Подойди-ка сюда, малыш.

Она подошла, и он обнял её с такой нежностью, будто бережно принимал из рук судьбы самое дорогое сокровище. – С днём рождения, родная! – голос его звучал густо и тепло, словно лесной мёд. – Какая же ты красивая стала... Совсем взрослая. Двадцать лет... Какое счастье, что ты у нас есть!

– Привет, дедуль! – Яся звонко рассмеялась и прижалась к его щеке, пахнувшей тонким, дорогим парфюмом с нотой можжевельника – он, современный руководитель, давно полюбил эти сдержанные, изысканные ароматы.

– Вот, – протянул он небольшую бархатную шкатулку, а следом – плотный конверт. – Конвертик – чтоб сама выбрала, что душа пожелает. Разберёшься, моя умница. Знаю, разберёшься.

Она взяла подарки, и в этот миг Гарай Михайлович особенно ясно увидел в ней отца – своего сына. Тот же светлый, прямой взгляд, та же упрямая складка у губ. Его прекрасная Яся Михайловна. Кровь от крови, веточка от крепкого мор-

довского корня, что пустился в рост под городским небом, но сохранил в себе и силу земли, и память о шире полей, и тихую печаль рек.

Яся открыла бархатную шкатулку. На чёрном бархате, словно застывшая паутинка, лежала тончайшая золотая цепочка, а на ней – изящный паук, его брюшко усыпано мельчайшими бриллиантами, холодно сверкавшими в свете комнаты. Она на мгновение замерла, разглядывая ожидаемый и прекрасный знак.

– Тано, паксянь парсте! – тихо и очень серьёзно произнесла она, поднимая на деда глаза, в которых стояли слёзы. Она помнила эти слова с детства, от мамы когда они учили язык: «Спасибо, мой полевой цветочек». Это было больше, чем просто «спасибо». Это было признание корня, нити, что связывала её с ним, с землёй, о которой он иногда говорил с той самой тихой печалью.

– Паук, – медленно проговорил Гарай Михайлович, касаясь пальцем холодного золота. – Он не для страха. Он – мастер. Он ткёт свою нить – крепкую, узорчатую – из самого своего существа. Он терпелив. И всегда при себе свой дом носит. Пусть напоминает тебя обо мне и о нашем роде.

В наших краях, где лес – храм, а река – дорога предков,

паук не просто тварь ползучая. Он – Вешавты, ткач мироздания. Восемь его ног – это восемь сторон света, на которые делит мир мокшанское солнце. Его паутина – не сети для мух, а чертог, вытканый из утренней росы и лунного света. Сидит он в центре, будто Мастор-ава в сердцевине мира, чуя дрожь каждой нити. Кто порвёт ту нить со злобой – тому беда. Кто с почтением обойдёт – тому паук счастье сплетёт, узорчатое, как пояс на праздничной рубахе.

Дедушка дарил не просто красивую вещицу – подвеску с пауком, усыпанным бриллиантами. Он вручал ей прекрасную девичью долю, выводил тончайший узор её судьбы. Каждая лапка – шаг, каждый бриллиант – поворот на пути. «Носи, эйкакшонь, – говорил он, кладя цепочку с медальоном в её ладонь. – Он из леса, что за спиной у нас. Он из тишины, что внутри. Свой дом на спине носит, и ты свой носишь – в сердце. Куда пойдёшь, там и корень твой, там и сила. Паук не впустит в дом твой лихое, а удачу, как муху луговую, в сети свои поймает».

Носи его, красавица. Он – оберег, он – моя защита. Ты – как полевой цветок, иль роза юная в саду. Мы любим тебя. И паутина с пауком тебя хранит, несёт удачу и добро. А может, и любовь в сетях серебряных заплетёт – и гость явится в дом твой на рассвете, оставив след на росистой траве. Стежка прямая к твоему порогу будет для него пауком спле-

тена. Любовь приглашает. Хотя Гарай Михайлович, как и его сын Михаил, не готовы были отдать свою Ясю какому-то ещё человеку. Нет-нет, она их маленький птенчик, рано.

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Прижала шкатулку к груди, а затем осторожно, чтобы не спутать тонкие звенья, надела цепочку. Холодок металла быстро сменился теплом кожи. Паук-оберег устроился у самой ключицы, сверкая при каждом движении. Она взяла деда за руку, и они просто постояли так, в молчании, наполненном пониманием, которое не требовало слов. Конверт с его щедростью лежал на столе, но главный подарок уже висел у неё на шее – и тайный смысл, и открытая любовь.

– Пойдём, дедуль, – наконец выдохнула Яся, улыбаясь своей взрослой, но такой детской улыбкой. – Все гости ждут. И мне нужно всем показать моего нового охранника. – Она дотронулась до подвески.

Гарай Михайлович одобрительно хмыкнул, поправил пиджак и позволил внучке вести себя в гул комнаты, где играла музыка и смех. Он шёл, чувствуя лёгкость, будто передал ей что-то очень важное – не просто драгоценность, а талисман, оберег мастерства и принадлежности. А она, чувствуя вес паучка на шее, шагала твёрже, будто и правда обрела какую-то новую, почти невесомую силу. Яся любила пауков –

это была её страсть, и подарок попал точно в сердце её увлечения.

Затем Гарай Михайлович подошёл к Сергею Борисовичу. Два патриарха, две разные судьбы и эпохи, давно нашли общий язык в любви к внучке.

– Сергей, здравствуй. Не стесняемся?

– Да что ты, Гарай, всегда рады, – отозвался дед Яси, и в его голосе мелькнула одобрительная искорка. – Чем больше родных, тем праздник краше. Проходи в гостинную.

Утяша, тем временем, вручив подарки и цветы Малике, обняла её за плечи.

– Ну как, справляешься? Двадцать лет – это ведь тебе не шутки, мать взрослой дочери.

Утяша резко сменила тему: оставив расспросы о дочери Малики, она внезапно обратилась к разговору о своём старшем брате, Михаиле – муже Малики и отце Яси.

Женщина ласково спросила у Малики: «А что же, сестрица, меж тобой и моим братцем всё ладно да полюбовно?» Младшая сестра Михаила неизменно тревожилась о нём

и его жене; ей так хотелось, чтобы в их доме царили мир да согласие. Оба они были ей невероятно дороги.

«Не кручинься, милая, – ответила Малика, и в глазах её мелькнула тёплая искорка. – Между нами всё, как и прежде. Мы с ним сражаемся, и любовь наша такова – спорим, миримся, и дышать друг без друга не можем».

«Никак не утихомириться?» – выдохнула Утяша, женщина красивая и приземлённая, для которой эти буйные страсти были словно ветер с незнакомой стороны.

«Рановато нам на землю опускаться, – промолвила Малика загадочно. – Мы пока танцуем наш танец на тонком льду, где лебедь белый нежно чёрного лебеда касается».

Утяша мягко улыбнулась. Что подразумевала невестка, ей, простой деревенской душе, было невдомёк. Пусть разбираются сами. Но брата порой ей искренне жаль. Малика это чувствовала, но не отступала. «Мой Миша, может, за это меня и любит», – промелькнуло у неё в сердце, но мысли эти она оставила при себе.

– Справляюсь и с мужем и с дочерью, – с лёгкой дрожью в голосе ответила Малика. – А вы как поднялись всем скопом?

– Папа настоял. «Надо Ясю порадовать», – сказал.

Михаил в это самое время, помогая Ивану снять пиджак, смотрел на этот внезапно разросшийся семейный круг. Его внутреннее напряжение растаяло, уступая место тёплому, плотному чувству общности. Его девочка была окружена не просто любящими людьми, а целым родом, живой историей, корнями.

Все переместились в гостиную. В прихожей осталась лишь Малика и Иван, и оттуда тотчас раздалась её бодрая, звенящая команда:

– Живо руки мыть! Яся, показывай пример! И стол раздвинем. Благо, наготовила впрок. Так и чуяло сердце, так и вещала душа – будут гости, да ещё какие, самые дорогие. Утяша, сестрица, подсобишь?

– Могла бы и не спрашивать, – отозвалось из гостиной добродушное контральто Утяши. – В миг соорудим настоящий пир!

В прихожей замешкался старший сын Утяши, Иван – Ванечкой ласково величала его Малика. Двадцати шести лет, стройный, высокий, в интеллигентных очках с тонкой опра-

вой. Она взглянула на него, и лицо её озарила тёплая, солнечная улыбка.

Малика вспомнила маленького Ванечку, который любил «тюловаться» – он не мог правильно произнести слово «целоваться», только «тюловаться». Ох, уж этот Ванечка, шпион, сдавший все секреты дяди Михаила Ясеньке! Никто тогда не знал, что Яся – это не настоящее имя. Как быстро летит время... Перед ней теперь не тот малыш в колготках, а красивый молодой человек, Иван. Но для Малики он всегда оставался Ванечкой; его она из трёх детей Утяши и Владимира любила особенно.

– Ну, до чего ж хороший! Статный, красивый...

Она прикоснулась губами к его щеке, на миг воскресив в памяти того малыша, что любил ютиться подле неё.

– Здравствуйте, Малика, – произнёс молодой человек, слегка смутившись. – Простите, Малика Сергеевна.

Он всегда с каким-то внутренним трепетом относился к этой женщине, жене родного дяди Михаила. Для него Малика была воплощением невысказанного, почти неземного женского идеала.

– Ну что встал, словно памятник? Проходи, милый.

Вдруг в прихожую вернулся Михаил.

– Всё в порядке? Ну же, проходи, племянник. Совсем взрослый стал, настоящим мужчиной смотришься.

– Спасибо, дядя Миша, – кивнул Иван и направился к гостям.

Миша приблизился к Малике, нежно коснулся пряди её волос.

– Малика, спасибо тебе.

– За что? – тихо спросила она, поднимая на него глаза.

– Я тебе позже расскажу.

– Расскажи, – мгновенно откликнулась она, и в её глазах вспыхнул живой огонёк любопытства, весёлый и немножко игривый.

– Миша мой, не время сейчас для нежностей. Всё потом, – она легонько, едва заметно коснулась его руки – прикосновение было особым, тайным знаком, – и шагнула к порогу

гостиной. – Иди уж, хозяин, гостей занимай. Твоя очередь.

– Мой Миша, ещё секунду твоего внимания, – вдруг сказала Малика, стоя за его спиной. – Помнишь, тогда, когда я учила тебя отличать молодой месяц от старого? – спросила она мужа. – Я смотрела в ночное окно и не узнавала свои глаза. Они светились, они были иными. Я была в тебя влюблена, – произнесла Малика.

– А ты в меня была влюблена? – спросил Миша.

– Ты не понял меня сейчас, дуралей, – перебила Малика. – Паучихой меня ты зовёшь, мой Миша. А ведь паучиха – это наша Яська. И в прятки она играет с нами, – не унималась мать.

– Поясни, – сказал отец.

– Глаза у неё горят, как у меня тогда. Я это сразу заметила. И не было никакой презентации... Миша, и кого же прячет наша дочь от нас?

Михаил развернулся. Он разозлился.

– Тише, мой Миша. Наша малышка влюблена – это факт. И, судя по всему, он первый поздравил её с днем рождения.

Миша, не выдай меня. Улыбайся гостям. И на Ясю не смотри. Паучиха – не я, а она, наша прелестная малышка.

– Ремня бы ей, – сказал отец.

– Ой ли? – ответила Малика. – Себя вспомни, мой проказник Миша.

И вдруг послышался голос Утяши:

– Хозяева милые, мы вас ждём!

– Миша, иди, займи гостей, я через десять минут вернусь. Ну же, живо! – скомандовала Малика.

– Я с тобой, – резко ответил Михаил.

– Займи гостей. Я – как молния: одна нога здесь, другая там. И уже обратно к вам. Меня начинает изматывать этот вечный день рождения и прятки, – отрезала Малика. Она всегда говорила то, что думала – пусть и колко, зато честно.

– Жду, родная, – мягко отозвался её понимающий супруг.

Малика шагнула на соседний участок – к даче отца, Сергея Борисовича. Она знала: там кто-то есть ещё с вечера.

Готовя накануне праздничный ужин ко дню рождения дочери, она сквозь ночное окно заметила жёлтый огонёк такси. И увидела – ясно, до мурашек, – кто из него вышла. Та самая женщина, что шла незримо рядом с ней с самого рождения Малики Сергеевны.

Малике не довелось познать материнской ласки. Её мать, Людмила Константиновна, ушла из жизни, подарив эту жизнь ей, Малике, – её мать подарила Малику её отцу, её супругу Михаилу, её дочери Ясе. Но в её судьбе была другая мама – Вероника Андреевна. Ника, как нежно называла её Малика с самых пелёнок. Эта женщина стояла рядом долгие годы, а потом исчезла. Малика пыталась протянуть руку, удержать, но та отступила в тень и растворилась в ней без следа.

Малика звонила снова и снова, жаждала быть частью её жизни, но Ника отказывалась, твердила, что у неё теперь всё новое: жизнь, семья, любовь. Малика же всегда знала – это ложь. Та просто ушла. Малика выросла, а её отец так и не решился на серьёзный шаг. Она всё понимала, но молчала. Делала вид, что не замечает, не лезет в его личную жизнь, чётко очерчивая границы, как учил её отец с детства: «Полюби себя, Малика. Ты никому ничего не должна». «Никогда не вмешивайся в чужую жизнь», – наставлял Малике её любимый отец. Эти слова, тихие и твёрдые, стали законом её

сердца.

Но эти границы, эти замки и ярлыки – часто они были ей во вред. Это была его догма. А у неё, у Малики, было живое, любящее сердце, способное чувствовать и любить эту жизнь. К чёрту все стереотипы. Сейчас, в этой тишине, она была откровенна прежде всего с собой. Да, ей почти пятьдесят. И в любом возрасте пора сокрушить эти проклятые стены.

Малика знала: её отец, Сергей Борисович, всю жизнь хранивший верность образу покойной Люси, матери Малики, все эти годы был связан любовной связью с Никой. И Малика не осуждала: каждый, будь ему двадцать, пятьдесят или девяносто, имеет право на любовь. На счастье.

А два года назад Вероника Андреевна снова вошла в жизнь отца. Ему скоро восемьдесят девять, но Бог наделил его крепким здоровьем и ясным умом. Они общались. В городе она даже жила в его квартире. Они тайно любили друг друга почти полвека. «Как такое возможно? В нашей паучьей семье – всё возможно», – усмехнулась про себя Малика.

Теперь она решила раз и навсегда открыть все карты. Вероника Андреевна – такой же член семьи. Она должна сидеть за праздничным столом, среди родных. Она – её любимая

Ника; нежнее человека не было.

Дверь в отцовский дом стояла приоткрытой. У окна, вглядываясь в золотистые квадраты окон дома Михаила и Малики, в уютный мирок их дочери Яси, замерла изящная пожилая женщина – маленькая и хрупкая. Ника. Её тихая, выстрадавшая победа. Вероника Андреевна. Её ласковые, вечно тёплые руки и огромные, чуть навывкате глаза – из-за них Ника всю жизнь комплексовала, как из-за своего невысокого роста. Она вечно меряла себя образом Людмилы Константиновны, матери Малики, – та будто сошла с экрана старого чёрно-белого кино: осанка, грация, ум. И Малика впитала эту природную гармонию от мамы, которую так боготворила, но, увы, никогда не видела. Но была Ника. И эти самые, чуть выпуклые глаза смотрели теперь на маленькую Лику, на её отца – с такой бездонной, всепрощающей нежностью, что сердце сжималось в груди. Прекраснее женщины, чем её Ника, для Малики в мире не существовало.

– Ника, – тихо позвала Малика с порога.

Женщина вздрогнула и медленно обернулась. В её глазах мелькнул испуг, а затем – тёплая, давно знакомая нежность.

– Лика, девочка моя...

Малика подошла к Нике и обняла её – нежно и бережно, как дочь обнимает свою мать. Это чувство было ей знакомо: она сама была матерью и знала, как успокоить в своих объятиях строптивую, избалованную с пелёнок малышку Ясю. Сейчас же она обнимала Веронику Андреевну словно родную мать. Да, не она её родила, но она её воспитала, вырастила и любила – всем сердцем.

Ника... Что ты здесь делаешь одна, в темноте?

Я не хочу с тобой на «вы». Ты же мне с самого рождения говорила: «Лика, девочка моя любимая, зови меня на „ты“». И я звала. Хоть отец порой и ругал за это.

Ты и была моей мамой. А я так устала... От этой недосказанности между нами всеми, от этой вечной игры в прятки. Пусть отец не признаёт тебя как любимую женщину перед светом. Мне плевать, Ника. Для меня ты – самая настоящая мама. Та, которую я безмерно люблю.

Помнишь, как мы в детстве играли в прятки? Я вставала за короткой занавеской в спальне – мои тонкие ножки, будто у паучка, торчали снизу. А ты говорила: «Доченька, Лика, где же ты? Никак не могу найти!» Я понимала, ты видишь меня. Но в тот самый момент ты всегда произносила одну и ту же фразу: «Лика, доченька, найдись, мамочка так вол-

нуется!»

Ты говорила «мамочка» – именно тогда, когда я пряталась за этой короткой шторой. Ты и была в те минуты самой настоящей для меня мамочкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.